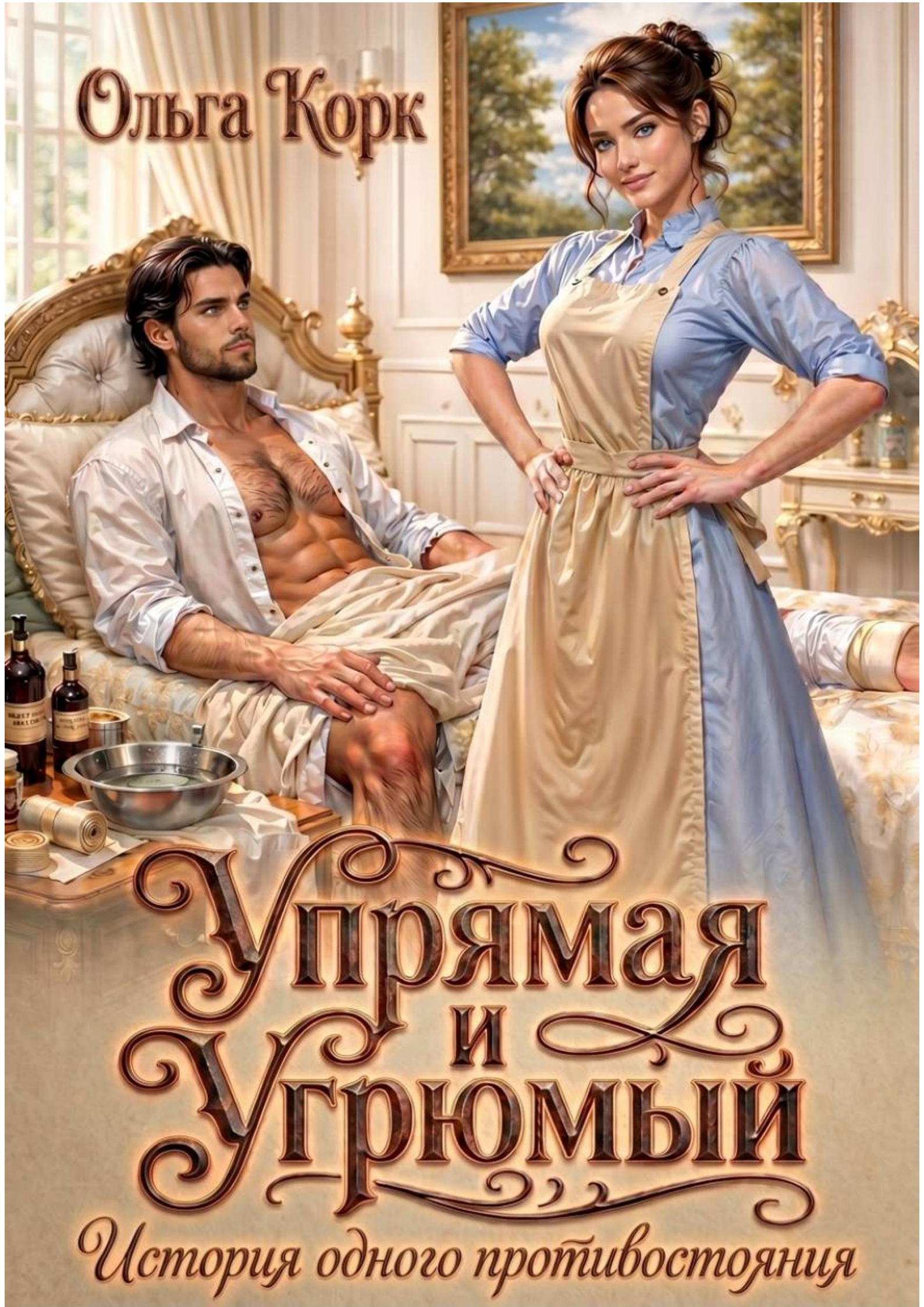

Ольга Корк

Упрямая
и
Угрюмый

История одного противостояния

Ольга Корк

**Упрямая и Угрюмый. История
одного противостояния**

«Автор»

2026

Корк О.

Упрямая и Угрюмый. История одного противостояния /
О. Корк — «Автор», 2026

Я успела сделать только два шага за порог спальни, как что-то со свистом пролетело мимо уха и с грохотом разбилось о стену.— Вон отсюда! — поприветствовал меня новый подопечный. Удержаться и не ответить любезностью на любезность я не смогла.— Милорд, если вы хотели, чтобы вас не беспокоили, стоило быть более метким. Но увы, увы. Он — угрюмый лорд, измученный болью и уверенный, что ему никто не сможет помочь. Она — упрямая сиделка с южной кровью, не умеющая отступать перед трудностями. Когда интересы этих двоих столкнутся, жизнь в одном поместье изменится навсегда. А может быть, перемены ждут не только дом маркиза? В книге вас ждут:- Хорошее настроение- Сиделка и пациент- Неунывающая героиня- Герой вам тоже понравится- Противостояние характеров- Сарказм наше все!- Хеппи энд обязателен

© Корк О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
2.2	18
2.3	20
Глава 3	22
3.2	26
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Корк

Упрямая и Угрюмый. История одного противостояния

Глава 1

— Пошла вон, нахалка, и чтобы ноги твоей в моем доме больше не было!

Дородная, если не сказать тучная, госпожа Лэнгли стояла в распахнутой двери и нетерпеливо постукивала носком туфли по полированному полу холла их дома.

— Подумать только! — разорвалась она. — Воспользоваться ситуацией: дожидаться, когда я уеду на воды, пробраться в дом и пытаться соблазнить моего милого, доверчивого супруга! А после этого еще и требовать рекомендательное письмо! Нахалка!

Я, не обращая внимания на крики, спокойно натягивала мягкие кожаные перчатки и мысленно смеялась над каждым словом хозяйки.

Не потому, что я дурно воспитана, и не потому, что ее тирада не произвела впечатления. Произвела — да еще какое. По крайней мере отсутствие рекомендаций меня действительно огорчило. А вот предположение, будто я пыталась соблазнить господина Лэнгли, милейшего мужчину шестидесяти семи лет, было просто уморительным. Особенно с учетом того, что сам господин Лэнгли пригласил меня на работу ради сюрприза для своей горячо любимой молодой супруги. И да — молодой: она была на пятнадцать лет моложе мужа и не имела ни малейшего представления о том, что такое боли в коленях от подагры.

План у нас с господином Лэнгли был прост: привести в порядок питание, втирки, массажи, обезболивание; месяц восстановительного ухода — чтобы к приезду супруги он смог пригласить ее на большой ежегодный бал и вновь повести в танце. Ведь двадцать лет назад они именно так и познакомились: молодая вдова и одинокий закоренелый холостяк.

Целых три недели я слушала истории про их знакомство, ухаживания и огромную любовь господина Лэнгли к супруге — и уж точно не намеревалась сейчас принимать близко к сердцу гневные слова госпожи Марты Лэнгли.

Подхватив саквояж, я направилась к выходу. Работа в этом доме была закончена. Пора двигаться дальше.

И все же жаль, что я не получила рекомендательное письмо. С каждым разом работодатели требовали все больше бумажек. Иногда от одной такой записки зависело слишком многое. В моем случае — практически все. И это не просто громкие слова: моя свобода от гнета семьи действительно значила очень много.

— Псс!

Стоило мне сойти с крыльца и на мгновение остановиться у пешеходной тропинки, как за спиной снова послышалось:

— Пссс! Магина Франческа, псс!

Обернувшись, я была вынуждена прижать ладонь к губам, чтобы не рассмеяться на весь квартал. Из одного из окон мне махал господин Лэнгли, то и дело оглядываясь себе за спину.

— Магина Франческа, быстрее! — свел он к переносице седые брови, изпод которых искрились от смеха неяркие синие глаза.

Пришлось оставить саквояж у крыльца и пробираться к распахнутому окну вдоль стены, рискуя оставить на розовом кусте клочок подола.

— Ну наконец-то, — усмехнулся господин Лэнгли. — Франческа, девочка моя, вот, держите. Не дело — отпускать вас без оплаты последних трех дней и без этой записки. Ты мне вторую молодость подарила, девочка. А жену мою прости, очень уж она у меня крута нравом.

— Ничего страшного, господин Марк, я все понимаю, — шепнула я, принимая из его рук небольшой кошель и заветный конверт. — Надеюсь, на балу вы будете самой яркой парой.

— Так и будет, слово чести! И все благодаря твоим волшебным рукам. Храни тебя боги, Франческа. Ой Беги, жена идет!

Он захлопнул окно у меня перед носом, уже что-то объясняя своей Марте.

Ждать, заметят меня или нет, я не стала. Сдавленно хихикнув, подхватила юбки и бросилась к саквою. И плевать, что подумают редкие прохожие. Главное — еще один пациент доволен моей работой, в кошельке лежат мои три серебряника, а в руке — то ли благодарственное письмо, то ли рекомендательное: это еще предстояло посмотреть.

Если прибавить эти три монеты к тем, что у меня уже есть, можно сказать, есть чем гордиться. С голоду не помру, без крыши над головой не останусь. Вот только после окончания договора оставалось всего две недели, чтобы найти следующего подопечного. Иначе — прощай, самостоятельная жизнь. Здравствуй, опека семьи, светские рауты, посещение балов, музыкальных и литературных вечеров, чаепитий и прочих обязательных мероприятий в нужном количестве, чтобы отец и брат наконец могли выгодно меня пристроить.

Нет уж. Пока в городе не перевелись нуждающиеся в сиделках, мне не грозит вернуться под опеку крайне заботливого отца и старшего брата, который с моих пятнадцати лет нашептывал родителю, как можно решить финансовые проблемы семьи за мой счет. Благо у меня хватило ума и дара отправиться в университет с магическим уклоном и окончить курс для одаренных сиделок. На самом деле из девушек этого курса получались специалисты весьма широкого профиля. Но мое волшебное обезболивание дарило мне некоторые привилегии. Если бы в нашем королевстве женщинам позволяли работать врачевателями, я непременно стала бы одной из них. Но чего нет, того нет. Закостенелое общество — не понимающее, от чего отказывается.

Ну ничего-ничего. Выкарабкаюсь. Устроюсь в жизни. Рано или поздно приобрету недвижимость, стану полностью свободной от решений семьи и замуж выйду непременно по любви, а не по приказу отца. Вот сегодня отдохну, а завтра же пойду устраиваться на новое место.

С этой воодушевляющей мыслью я добралась до своей комнаты в небольшом меблированном доме, который содержала вдова пекаря. Жилье было не самым дешевым, зато чистым, с приличной кухней внизу и без привычки хозяйки заглядывать в замочные скважины. За одну только эту добродетель госпоже Бруни можно было простить и вечное ворчание, и манеру слишком громко греметь посудой по утрам.

Поднявшись к себе, я первым делом стянула шляпку и перчатки, сняла ботиночки и с удовольствием опустила на край кровати, вытянув ноги. День выдался долгим. Последние три недели вообще вышли непростыми, но весьма прибыльными по моим меркам. Не богато, конечно, однако и не так, чтобы с понурой головой возвращаться в семью на милость родственников.

Потянувшись к саквоюжу, достала письмо от господина Лэнгли и открыла его.

Пробежалась взглядом по аккуратным строчкам, хмыкнула и перечитала еще раз, уже медленнее. Нет, все верно. И благодарность, и рекомендация, и даже приписка в самом конце: магина Франческа ди Сава проявила себя терпеливой, обязательной и, должен отметить, магичной не робкого десятка.

Вот последнее господин Лэнгли подметил удивительно точно.

Я бережно сложила письмо, убрала его назад в саквоюж, в папку с документами, и только после этого позволила себе откинуться на подушки и на несколько мгновений закрыть глаза.

Две недели.

Вернее, уже тринадцать дней.

Нет, если быть совсем честной с собой, — двенадцать с половиной: в больнице, где обычно оставляли заявки на сиделок для ухода на дому, хорошие места порой разбирали еще до полудня.

Я открыла глаза, посмотрела в потолок и сообщила ему, как старому знакомому:

— Ничего, не в первый раз. Я обязательно найду работу!

Потолок промолчал. Видимо, не хотел спорить.

Утро встретило меня серым небом, сыростью и полным отсутствием желания вылезать из-под одеяла. Пришлось напомнить себе, что независимость сама себя не отстоит. Особенно если у этой независимости есть отец с тяжелым характером, старший брат с замашками торгаша, любящего считать чужие деньги, и уже наверняка где-то подобранный жених, при виде

которого у меня случится если не сердечный приступ, то внезапная тошнота — точно. Я была в этом абсолютно уверена.

После такой бодрящей мысли я встала удивительно быстро. Вот что значит правильная мотивация!

К больнице я пришла рано. Но у ворот уже толпились люди. У крыльца стоял молодой лекарский помощник и спорил с пожилым мужчиной о том, что прием вот-вот начнется и ругаться с господином старшим врачом нет никакого смысла.

Я привычно обошла основную очередь и направилась к боковому входу, где принимали заявки на домашний уход и где иногда можно было встретить того, кто срочно искал сиделку.

Здесь, как всегда, пахло травами, кипяченой водой, мылом.

За столом у стены сидела госпожа Верен — маленькая, сухопарая, с вечно поджатыми губами и очень внимательным взглядом.

Именно через нее проходили почти все договоренности по домашнему уходу. И если в городе кто-то и знал, кому нужен толковый специалист, так это она.

Я улыбнулась и положила ладони на край ее стола.

— Доброе утро, госпожа Верен. Есть чем порадовать меня сегодня?

Женщина подняла взгляд от бумаг, окинула меня с ног до головы и сухо ответила:

— Если снова спрашивать о работе, то нет.

— Неужели никаких заявок?

— Франческа, даже несмотря на то, что тебе дали рекомендации от Лэнгли, — а это, поверь, большое достижение. Обычно они не столь щедры на похвалу.

— Особенно когда жена стоит рядом, — пробормотала я, сдерживая улыбку.

— Что?

— Ничего. Говорю, приятно слышать. Ну хоть что-нибудь, проверьте. Вдруг пропустили?

Госпожа Верен открыла журнал, просмотрела первый лист, потом еще один. По выражению ее лица я уже догадывалась, что услышу дальше, и все равно сердце неприятно ухнуло вниз.

— На сегодня ничего нет, — сказала она наконец.

— Совсем?

— Совсем.

Я подалась вперед:

— Послушайте, может, у кого-нибудь пациент тяжелый? После лихорадки, после травмы, после долгой болезни? Я умею работать с такими случаями: массажи, восстановление, уход, режим, обезболивание. Вы же знаете.

— Знаю.

— И даже это не поможет мне найти работу?

— Мне жаль, Франческа.

Я медленно выдохнула и опустилась на стул.

— Потрясающе.

Потерла переносицу. Потом еще раз. Проблема от этого меньше не стала.

— У меня осталось три дня, — сказала уже без улыбки. — Потом отец получит полное право забрать меня домой.

Госпожа Верен посмотрела на меня поверх очков.

— Я помню.

— И?

— И ничем не могу помочь, если нет заявок.

Чудесно. Просто превосходно.

Я откинулась на спинку стула и на несколько секунд уставилась в высокий потолок приемной. По нему шла тонкая трещина. Символичненько. Прямо как моя жизнь в этот конкретный момент.

Долго предаваться унынию не получилось. В коридоре хлопнула дверь. Послышались быстрые шаги, шорох юбок и, наконец, чей-то сдержанный, но весьма взволнованный голос:

— Прошу вас, госпожа Верен, мне нужен человек немедленно. Хоть кто-нибудь.

Я повернула голову одновременно с госпожой Верен.

В приемную вошла высокая женщина лет пятидесяти с небольшим, в элегантном платье из дорогой ткани, в шляпке, явно надетой второпях, и в перчатках, которые она стягивала с рук. Лицо у незнакомки было породистое, красивое, но уставшее. Такие женщины не плачут на людях без крайней нужды. Но у этой были слегка покрасневшие глаза.

Следом за ней вбежала молоденькая горничная, прижимая к груди ридикюль и явно не поспевая за хозяйкой.

— Леди Маргарет, — госпожа Верен тут же поднялась из-за стола, — прошу, присядьте.

— Не хочу сидеть, — отмахнулась женщина и уперлась ладонями в край стола. — Мне нужен новый человек. Сегодня. Лучше сейчас. Мужчина, крепкий, с опытом ухода за тяжелобольными. Или за ранеными. Или за тем, кто ругается, дерется и не желает жить, раз уж на то пошло.

Последнюю фразу она произнесла тише и на миг прикрыла глаза.

Я невольно выпрямилась.

Госпожа Верен кашлянула.

— Мне очень жаль, леди Маргарет, но я уже объясняла вам в прошлый раз: из тех, кто согласился бы поехать в поместье вашего сына, у нас никого не осталось.

— Найдите еще.

— Я пыталась.

— Заплатим вдвое, — леди с надеждой посмотрела на госпожу Верен.

— Дело не в оплате.

— Тогда в чем?

— В вашем сыне, миледи.

В приемной стало тихо. Леди Маргарет выпрямилась. Сжала перчатки в пальцах так, что побелели костяшки.

— Я понимаю, — сказала она ровно. — Думаете, мне не рассказали, что он швыряется стаканами, книгами и всем, что попадает под руку, да еще и дерется тростью? Что выгоняет помощников? Что не дает за собой ухаживать? Что может молчать сутками, а потом орать так, что слуги прячутся по углам? Я знаю. Все знаю. Но ему нужен уход.

Она перевела дух и уже тише добавила:

— Если оставить все как есть, он себя погубит.

Я посмотрела на госпожу Верен. Та смотрела на леди Маргарет с тем особым выражением лица, когда очень хочется помочь, но нечем.

— Никого нет, — повторила она. — Ни одного мужчины, который согласился бы ехать в поместье Эшридж после того, как лорд Ровейн прогнал уже с десятков помощников.

Имя мне ничего не сказало. Ни лорд, ни поместье — я ничего не слышала про эту семью. Только одно в словах Иды Верен зацепило особенно крепко.

Никого нет.

Я поднялась со стула.

— Я поеду.

Обе женщины повернулись так резко, будто до этого меня не замечали вовсе. Хотя, возможно, так и было.

Госпожа Верен нахмурилась первой.

— Нет.

— Да.

— Франческа, не вмешивайтесь.

— Простите, но это как раз тот случай, когда не вижу причины не вмешиваться. Мне нужна работа, леди нужен помощник для сына.

Леди Маргарет окинула меня пристальным взглядом.

— Вы сиделка? — спросила она.

— Да, леди.

— С опытом?

Я кивнула.

— Работаю с лежачими больными, с восстановлением после травм, с долгим уходом, с обезболиванием. У меня есть образование и рекомендации.

Я уже достала письмо господина Лэнгли, но леди Маргарет даже не взглянула на бумагу.

— Вы понимаете, что мой сын — крупный мужчина? — спросила она. — И далеко не вежливый.

— Подозреваю, что не вежливый, раз у вас закончились желающие за ним ухаживать.

Уголок ее рта дрогнул. Еще не улыбка, но определенно намек на нее.

Госпожа Верен всплеснула руками.

— Да что вы говорите? Леди Маргарет нужен мужчина. Мужчина! Ее сын — бывший военный, у него тяжелый характер, он никого не подпускает к себе, а вы вы

Работница больницы беспомощно смотрела на меня, будто не могла подобрать слово.

Пришлось подсказать:

— Женщина? — Дождавшись кивка, решительно добавила: — Это ужасно, согласна.

— Молодая женщина! — поджала она губы.

— Пока что это мешало мне только при поиске работы, а не в самой работе.

— Франческа!

— Что — Франческа? У меня есть руки, голова, опыт и диплом. У леди, как я понимаю, есть необходимость в сиделке для сына. Если вы не хотите отправить меня к нему, тогда предложите мне другое место. Желательно до конца недели.

На это госпоже Верен ответить было нечего.

Леди Маргарет медленно опустилась на стул, который минуту назад отвергала. Горничная тут же подалась к ней, но хозяйка едва заметно качнула головой.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Франческа ди Сава, миледи.

— Вы из южан?

— Да.

— Сколько вам лет?

— Двадцать пять.

Леди Маргарет ненадолго задумалась. Провела пальцем по краю стола. Потом подняла на меня взгляд.

— Вы не похожи на человека, который боится сложной работы.

— Боюсь, — честно ответила я. — Но это не значит, что я ее не делаю.

Леди вдруг усмехнулась.

— Хороший ответ.

Госпожа Верен шумно выдохнула.

— Миледи, подумайте еще раз. Ваша просьба была ясна: для ухода за мужчиной в таком состоянии требуется физическая сила, опыт и

— И терпение, — перебила ее леди Маргарет. — А еще крепкие нервы. Похоже, у этой девушки есть и то, и другое.

Я решила не уточнять, что с терпением у меня как раз бывают проблемы, как у большинства южан, зато с упрямством полный порядок.

— Мой сын живет в поместье Эшридж, в трех часах езды отсюда, — сказала леди Маргарет, обращаясь уже только ко мне. — Он был ранен более двух лет назад. Его терзает постоянная боль. Сам Кассиан не ходит. Он запустил себя, предпочитая оставаться в кровати. Обезболивающие почти перестали действовать. Врачи делали все, что могли, но чудеса им не подвластны. Кассиан он тяжелый человек.

Сказано это было спокойно, но по тому, как Маргарет на секунду прикрыла глаза, было ясно: она и сама уже почти потеряла надежду.

— Я постараюсь справиться, — мне захотелось хоть как-то поддержать уставшую женщину.

Госпожа Верен издала звук, похожий на возмущенный стон.

— Вы даже не знаете, на что соглашаетесь.

— Знаю главное: это работа.

— Франческа!

— Что? У вас где-то завалились парочка заявок для сиделки, и я могу начать выбирать? Нет? Тогда о чем мы спорим?

Леди Маргарет тихо фыркнула, и в этот раз это уже походило на смех.

— Предлагаю заключить договор, — произнесла она. — Официальный: с жалованьем, сроком и всеми условиями. И сразу скажу: мой сын не сможет вас уволить.

Это прозвучало так резко, что даже госпожа Верен подняла брови.

— Простите? — переспросила я.

— Вы будете наняты мной, а не им. Если он попытается выставить вас из дома — вы останетесь на весь срок договора. Если Кассиан велит слугам вас не слушать — вы напишете мне. Если в доме что-то потребуется для ухода — напишете мне. Если понадобится помощь думаю, вы понимаете, к кому стоит обратиться.

Честно говоря, она смогла меня удивить. Потому что то, что предлагала леди, необычно. Очень.

— Вы даете мне слишком большую власть над ситуацией, миледи.

— Нет, — тихо ответила леди Маргарет. — Я даю вам шанс сделать вашу работу. И мне жаль, что я не решилась на это раньше, слишком жалея гордость сына.

На несколько мгновений в приемной снова стало тихо.

Я посмотрела на руки леди Маргарет и заметила, как сильно она сжимает перчатки. Казалось бы, мелочь, один единственный жест. Но именно он выдавал отчаяние.

И да, в любой другой день я бы, возможно, задала еще десяток вопросов. Но у меня оставалось три дня до конца свободы, а у нее, судя по лицу, уже почти не осталось сил бороться в одиночку.

— Я согласна, — сказала я, поднимая взгляд и уверенно глядя леди в глаза.

Госпожа Верен недовольно проворчала:

— Разумеется, согласна. Почему бы и нет? Конечно. Что может случиться?

— Не нагнетайте, — попросила я.

— Я не нагнетаю. Просто у меня предчувствие!

— Это еще хуже.

Леди Маргарет рассмеялась. Мягко, осторожно — будто уже забыла, как это делается. Но искренне. И на госпожу Верен она посмотрела уже более уверенным и спокойным взглядом:

— Подготовьте бумаги, Ида. И отдельным пунктом внесите, что магина Франческа ди Сава имеет право принимать решения, касающиеся повседневного ухода за больным, режима, питания и необходимого устройства быта. В разумных пределах.

— В разумных? — переспросила я.

— Надеюсь, да.

— Я тоже, миледи.

Сказала это, сильно сомневаясь, что мы обе сейчас ведем себя разумно. Что двигало мной, я знала. Что двигало леди Маргарет — почти понимала. Но то, что у нас получалось в итоге, мало кто назвал бы разумным.

Пока госпожа Верен с видом мученицы искала нужные бланки, я уточнила:

— Когда мне быть готовой к отъезду?

— Завтра утром, — ответила леди Маргарет. — Карета заедет за вами.

— Так скоро?

— Если дать моему сыну время, он распугает оставшихся в поместье слуг.

— Однако, — признаться, я была удивлена.

— Я предпочитаю честность. Магина ди Сава, — проговорила она уже серьезнее, — я не стану обещать, что вам будет легко. Не будет. Но если вы действительно поможете моему сыну я этого не забуду.

Я выдержала ее взгляд и спокойно ответила:

— Для начала давайте я просто доеду до вашего поместья и не сбегу в первые же сутки.

А там посмотрим.

— Договорились.

Через четверть часа бумаги были подписаны, аванс получен, адрес записан, а госпожа Верен, провожая меня до двери, пробормотала так тихо, будто надеялась, что я не услышу:

— Вот ведь бедовая девчонка.

— Зато при работе, — так же тихо напомнила я.

— Ненадолго, если вас прибудут подсвечником.

— Подсвечник — это уже роскошь. Согласитесь, это будет довольно поэтично. Разве нет?

Она посмотрела на меня, покачала головой и все же не сдержалась:

— Возвращайся через неделю, я лично найду тебе место потише.

— Через неделю, возможно, я еще только начну входить во вкус на новом месте.

— Франческа!

— Шучу, — крепко обняла я госпожу Верен и подмигнула ей, сбежав с крыльца. —

Наверное!

Город жил обычной жизнью: шумели люди у главных ворот больницы, извозчики подгоняли лошадей. По мостовой стучали колеса, скрипели рессоры, слышались обрывки чужих разговоров. Где-то мяукнул кот. У кого-то в доме залаяла собака. Все было как обычно — пожалуй, кроме того, что я все еще могла оставаться свободной от семейного гнета и, кажется, только что подписала самый безумный за всю мою практику договор о работе.

Глава 2

Остаток дня ушел на сборы.

Не то чтобы у меня было особенно много вещей. Как раз наоборот. Самостоятельная жизнь хороша еще и тем, что довольно быстро отучает привязываться к лишним вещам. Пара платьев, рабочие передники, белье, чулки, полотенца, гребень, перчатки, мыло, документы, письма, коробка с лекарскими мелочами, немного денег и две книги. На этом, пожалуй, моя роскошь заканчивалась. Все добро заняло один чемодан да аккуратный саквояж с вещами, которые должны быть всегда под рукой.

Госпожа Бруни следила за моими перемещениями по дому с явным скепсисом.

— И надолго вы? — спросила она вечером, когда я в третий раз прошла через кухню с очередной стопкой выглаженных вещей, которые несла из подвала.

— Хотелось бы подольше.

— А если честно?

Я положила на край стола сложенные передники, подумала и призналась:

— Если честно, не знаю.

— Это уже больше похоже на правду.

Хозяйка поджала губы и с недовольным видом поправила край скатерти на обеденном столе.

— Имя хоть у этого вашего нового хозяина есть?

— Есть. Лорд Кассиан Ровейн.

— Красивое имя, — проворчала госпожа Бруни. — Но сдастся мне, что у этого лорда может быть весьма непростой характер. Все они, знаете ли, с причудами!

— По слухам, так и есть.

— И вы все равно едете, — ахнула вдова.

— А у меня большой выбор?

Она окинула меня взглядом, в котором мешались жалость и уважение.

— У женщины вообще редко бывает выбор, тем более большой, магина Франческа.

С этим спорить было трудно.

На следующее утро я встала рано. Даже слишком. Сон был тревожным. Я будто и не спала вовсе, а скорее лежала всю ночь с закрытыми глазами, то проваливаясь в дрему, то начиная перебирать в голове способы ухода за тяжелыми больными. Мне было волнительно. Все же леди Маргарет оказала мне слишком большое доверие, и хотелось бы его оправдать.

Поднявшись, выглянула в окно.

За стеклом занималось теплое утро. Из открытой форточки тянуло свежестью, а еще ароматом цветущей сирени. На деревьях перекликались птицы. А внизу на кухне уже гремела посуда.

Я быстро оделась, заколола волосы, еще раз проверила приготовленные бумаги и спустилась вниз.

На столе меня уже ждал завтрак.

— Ешьте, — велела хозяйка, не оборачиваясь. — На пустой желудок в дорогу не ездят.

— Благодарю.

— И не надо на меня смотреть с таким умилением. Это обычная забота о безголовой молодой леди Ешьте, магина ди Сава.

— Госпожа Бруни, мы с вами уже про это говорили: не стоит называть меня леди сейчас. Ведь я

— Ведь вы и есть леди, милочка. А то, что вам захотелось самостоятельной и вольной жизни, — так я же не против, но кровь от этого жиже не станет. Да и манеры ваши с воспитанием никуда не делись. Конечно, когда вы специально про них не забываете.

Госпожа Бруни фыркнула.

Я ела вкусную кашу с орехами и фруктами, запивала ее горячим утренним чаем, заедала свежеиспеченной булочкой с повидлом и не могла ответить. Мне было слишком вкусно! Да и права была хозяйка дома. Сколько бы я ни говорила, что теперь обычная горожанка, никто у меня не отнимет права называться леди.

Карета леди Маргарет прибыла чуть раньше, чем я ожидала. Хорошая, добротная, без лишней вычурности, но сразу было видно — семья Ровейн не бедствует. Кучер сидел на козлах, лениво зевая, пока ожидал, когда я соизволю наконец занять свое место.

Попрощалась с госпожой Бруни, пообещала написать при случае и села внутрь.

Город еще только просыпался. Утренний свет ложился на мостовую, лавки открывались одна за другой, у булочной уже пахло горячим хлебом, а у молочницы на углу улицы кто-то уже затеял спор. Улица сменяла улицу, копыта лошадей мерно стучали по мостовой, и мне захотелось спать. Но исключительно из упрямства я продолжала держать глаза открытыми.

Вскоре дома начали редеть, мостовая сменилась грунтовой дорогой, и город остался позади.

За окном потянулись поля, рощицы, низкие ограды, канавы, полные зеленой травы, и все те прелести поздней весны, которые особенно хороши, когда на улице еще нет душливой жары. Деревья уже стояли в листве, воздух был чистый, а вдоль дороги то и дело мелькали белые, желтые и сиреневые пятна диких цветов.

Я смотрела на все это и старалась не думать о плохом.

Новая работа — это всегда нервно. А тут и вовсе. Тяжелый пациент. Незнакомое поместье. Да что там — пришлось и из города уехать. Согласилась на работу практически вслепую. Но, в конце концов, не первый раз мне приходится входить в дом, где до меня уже кто-то не справился. И с сомнениями бороться доводилось. И доказывать, чего я стою, — тоже. Все это уже было. Так что тут ничего нового. Да и работу я свою знаю отлично. Даже чуточку лучше, чем отлично. И это вовсе не бахвальство. Просто есть у меня один секрет. Но раскрывать его я не собираюсь.

К полудню карета прошла через Бринхолл.

Городок сразу показался мне приятным. Небольшой, опрятный, живой. С булочной, аптекой, мясной лавкой, шорником, цветочницей и кондитерской с белоголубой вывеской. Я едва не свернула себе шею, рассматривая витрину, — так меня заинтересовало это заведение.

— Вот это уже неплохо, — пробормотала я себе под нос. — По крайней мере, если работа окажется ужасной, то пирожное всегда сможет подсластить мой день. Может быть, два — если они будут вкусными!

За Бринхоллом дорога снова пошла среди деревьев. Еще немного, минут пятнадцать легкой тряски — и показались ворота.

Эшридж. Подъездная аллея вела через старый парк. Красивый. Даже сейчас красивый. Но отчего-то немного запущенный. Где-то кусты подстрижены небрежно, где-то дорожка заросла травой, один фонарь стоял слегка криво, а скамья у поворота выглядела так, будто ее не красили уже очень давно.

Я смотрела молча, просто отмечая про себя детали. Может быть, обычному помощнику лорда или же самой обычной сиделке из горожан такие мелочи были бы не слишком заметны. Но, как сказала госпожа Бруни, аристократкой я быть не прекратила только по одному желанию. И выросла я в похожем месте. Чуть южнее, но похожем. И все эти недочеты мне были хорошо видны. Но я здесь не для того, чтобы оценивать чужой сад.

Хотя я прекрасно знала, что дом, как и люди, многое может сказать о себе задолго до официального знакомства. В этом случае громче всего говорил сад. Сам особняк был большой, старый — в лучших традициях аристократов. Каменный фасад, широкая лестница главного входа, высокие окна, колонны, тяжелая дверь. Дом выглядел, как и полагается загородным поместьям, дорого, добротно, но в то же время уютно. Городские особняки всегда навевали на меня тоску. Такие места напоминали о беззаботном детстве.

Карета остановилась у лестницы.

Выбралась наружу, взяла саквояж, проверила, на месте ли письмо леди Маргарет, которое перед дорогой передал кучер, и поднялась по ступеням.

Открыли не сразу.

Я успела заметить, что медную ручку давно не полировали, а в вазоне у лестницы пересохла земля. Хотя стоит ли удивляться? Хозяину точно не до таких мелочей. Вот поместье постепенно и теряет свой лоск.

Дверь наконец распахнулась.

На пороге стоял высокий худощавый мужчина лет пятидесяти с небольшим, с прямой спиной и бесстрастным лицом. Дворецкий. Ни у кого больше не бывает настолько равнодушного вида. Никогда.

Он скользнул по мне взглядом, остановился на саквояже, потом на лице и спросил:

— Чем могу служить?

Вот тут я в полной мере осознала, что меня не ждали. Но, достав письмо, протянула его с самым спокойным видом, на какой только была способна.

— Добрый день. Франческа ди Сава. Леди Маргарет наняла меня сиделкой для лорда Кассиана Ровейна.

Дворецкий взял конверт, посмотрел на печать и чуть посторонился.

— Прошу. Внутри было прохладно. После теплого дня снаружи это особенно чувствовалось. А еще в доме интересно пахло — смесью ароматов воска, дерева, лаванды и легкой пыли. Пока мужчина читал письмо, я стояла у входа и старалась смотреть по сторонам так, чтобы это не выглядело откровенным любопытством. Правда, сомневаюсь, что у меня получалось. Что бы ни говорила госпожа Бруни, но мои манеры сильно испортились за годы самостоятельной жизни.

Холл был красивым. Но и тут чувствовалось то же, что снаружи: дому нужен уход. На столике у лестницы стояла ваза с уже чуть подвявшими цветами. Край ковра загнулся. На подоконнике у входа темнел след от горшка. На стене, в паре метров от меня, белел прямоугольник от снятой картины или зеркала.

Ничего страшного, вроде бы. Просто небрежность. Но, заметив одну такую деталь, невольно начинаешь видеть и другие — и этот процесс уже запущен.

Тем временем дворецкий дочитал письмо, сложил его и посмотрел на меня уже иначе.

— Прошу простить, магина ди Сава. Я Пенроуз, дворецкий. Леди Маргарет не предупредила. В доме нет готовой комнаты для вас.

— Ничего страшного, мистер Пенроуз, — ответила я. — Я вполне могу подождать.

Он слегка кивнул.

— Если позволите, вам покажут малую гостиную. Туда же подадут чай.

— Благодарю. Было в моем звании магины что-то хорошее. По иерархии я была условно ниже аристократов, но гораздо выше обычных слуг. Что-то среднее между обычной горожанкой и гостьей с особыми условиями. Что-то вроде дальней бедной родственницы. И выгнать нельзя — соседи не поймут, но и поселить в комнате слуг неправильно, хотя и очень хочется. Нет, мне приготовят покои недалеко от комнат пациента, чтобы я всегда была рядом и могла прийти на помощь в любой момент.

Пенроуз подозвал служанку. Та появилась быстро, присела в книксене и приняла у меня саквояж с выражением лица, будто уже пыталась решить, надолго ли я здесь задержусь.

Что ж, вопрос был хороший. Я и сама не знала ответа.

Пока меня вели по коридору, я молча запоминала дом.

Высокие прямоугольные окна. Красивые гардины. Дорогая мебель. Пыль в углу у лестницы. Царапина на панели. Редкие цветы в вазах там, где их должно быть больше. Все это было мелочами само по себе, но все вместе уже звучало тревожными звоночками. Кажется, леди Маргарет нечасто бывала в этом поместье, иначе слуги не позволяли бы себе такого. Малая гостиная оказалась светлой и уютной. Голубые шторы, кресла, книги на столике, свежие цветы на камине. Разительная разница между этой комнатой и всем увиденным мной ранее. Интересно. Я сняла шляпку, перчатки и с удовольствием села в кресло у окна.

Через несколько минут принесли чай.

Та же служанка поставила поднос и застыла на миг дольше положенного. Из любопытства, конечно.

— Благодарю, — сказала я.

— Пожалуйста, магина.

Она уже собралась уходить, но не выдержала:

— Вы надолго к нам?

Я подняла чашку и честно ответила:

— Очень надеюсь, что хотя бы до ужина получится задержаться, — произнесла я с самым серьезным видом, пряча улыбку за краем чашки.

Служанка моргнула, потом тихо прыснула и тут же взяла себя в руки.

— Простите, магина.

— Ничего, — успокоила я. — Мне на вашем месте тоже было бы интересно. Но у меня пока нет ответа.

Когда она ушла, я отпила чай и посмотрела в окно.

Сад был хорош. И дом в общем-то был прекрасен. Да и место само мне очень понравилось. Вот только создавалось ощущение, что все вокруг замерло в каком-то усталом ожидании. Еще бы понять — чего именно.

2.2

Чай был крепким, кекс свежим, а малая гостиная — настолько тихой, что я почти задремала, сидя в кресле у окна. Нет, конечно, позволить себе такую роскошь я не могла — в конце концов, здесь я на работе, — но отдохнуть с дороги у меня всё же получилось.

Когда в дверях снова появился мистер Пенроуз, я выпрямилась и поставила чашку на блюдце.

— Комната готова, магина ди Сава, — произнёс он. — Если желаете, прикажу подать вам обед через четверть часа.

— С удовольствием, благодарю.

Он кивнул и посторонился, пропуская меня вперёд. Комнату мне отвели на втором этаже, в боковом крыле. Небольшую, но очень даже приличную. Светлые стены, аккуратная кровать, комод, шкаф, два окна во двор и маленький круглый столик у стены. Не роскошно, но удобно. По моим меркам — и вовсе хорошо. Тем более если учесть дверь в уборную, сейчас приоткрытую, — сомнений, куда она ведёт, не оставалось.

Мой саквояж уже стоял у кровати, коробку с мелочами пристроили рядом, у шкафа — мой единственный чемодан, и даже на спинку стула заботливо повесили дорожный плащ. Я окинула взглядом комнату, мысленно поблагодарила неизвестную служанку и повернулась к мистеру Пенроузу.

— Очень хорошо, благодарю.

Насколько удобные покои мне выбрали, станет ясно только после того, как я узнаю, где проживает мой подопечный. Как бы то ни было, если я остаюсь здесь работать, то должна жить как можно ближе к спальне лорда, чтобы в любой момент, если понадобится ему, быть рядом, а не ждать, когда какая-нибудь служанка найдёт время сообщить, что хозяину нужна помощь. Но с этим разберёмся позже. Сначала стоит присмотреться к домочадцам и познакомиться с Кассианом Ровейном.

— Рад это слышать.

Пенроуз коротко кивнул — скорее лишь обозначил кивок — и уже собрался уходить. Но мне было что спросить у дворецкого.

— Обед подадут сюда или вниз? — уточнила я.

— Если пожелаете — в столовую для малого круга. Так будет удобнее.

— Хорошо.

Окинув меня профессиональным взглядом, Пенроуз собрался уйти, но всё же посчитал нужным добавить:

— Если после обеда вы захотите увидеть его светлость, лучше предупредите меня.

В его голосе прозвучали странные нотки, но мы были слишком мало знакомы, чтобы я могла понять, о чём они говорят. Пенроуз предупредил меня, что не стоит шататься по дому одной? Или советовал быть осторожнее и не соваться к хозяину без подготовки? Правда, в таком случае нужно было бы ещё понять, кого стоит готовить — меня или его.

— Разумеется, — ответила я так же спокойно. — Я не имею привычки хозяйничать в чужом доме.

После ухода дворецкого я умылась, сменила дорожное платье на более простое и светлое, поправила волосы и только потом позволила себе ещё раз подойти к окну.

Две девушки развешивали бельё и о чём-то оживлённо шептались. Со стороны конюшен доносились мужские голоса и короткое ржание лошади. В траве у забора неожиданно обнаружили две курицы, которые с деловым видом копошились в земле. Поместье живёт своей жизнью. И уже сам факт, что слуги продолжают выполнять работу, внушал надежду: всё, что я видела в доме, — всего лишь следствие болезни лорда. Ведь всякому известно: ни один наём-

ный работник не будет качественно трудиться без должного присмотра, а лорду Кассиану определённо не до слуг. Обед мне подали в небольшой столовой с окнами в сад. Кухарка готовила сносно: суп был неплохим, запечённая курица — вполне приличной, а вот овощи подали чуть переваренными. После стряпни госпожи Бруни это было особенно заметно.

После обеда ко мне снова явился мистер Пенроуз.

— Если вы готовы, магина ди Сава, я покажу вам дом и познакомлю с теми, с кем вам, вероятно, придётся иметь дело чаще всего.

— Буду признательна. Ну что ж, гостеприимство было оказано — пришла пора приступать к работе. А я и не против. Наоборот, ожидание знакомства с подопечным лишь усиливало нервозность, а это плохо. Так что, пожалуй, и правда стоит познакомиться с обитателями поместья и уже приступить к своим прямым обязанностям.

Мистер Пенроуз без лишней спешки провёл меня по дому.

2.3

На кухне меня встретила миссис Грэм — женщина лет сорока пяти, полноватая, с усталым, но ещё приятным лицом. Она вытерла руки о фартук, присела и окинула меня быстрым, оценивающим взглядом, в котором легко читалось сомнение, что я здесь задержусь.

— Магина ди Сава, это миссис Грэм, — представил мистер Пенроуз. — Она заведует кухней.

— Очень приятно, — сказала я.

— И мне, магина, — вежливо ответила миссис Грэм. — Если вам потребуется отдельное питание для милорда или что-то по распоряжению лекаря, предупреждайте заранее. Всё, что сможем, сделаем.

Вот это было хорошо. Мне нравились люди с деловым подходом: коротко, по делу, без лишних вопросов и разговоров. Может быть, это связано с вереницей помощников лорда, которые убегали с работы, — но у меня будет шанс выяснить, так ли это.

— Благодарю. Постараюсь не устраивать вам неожиданностей в первый же день.

Уголок рта миссис Грэм чуть дрогнул.

— Это было бы милосердно.

Да, с кухаркой мы, пожалуй, поладим.

Дальше были кладовая для белья, задняя лестница, коридор к хозяйским комнатам, встреченные по пути две служанки — Мэри и Джоан, одна слишком любопытная, вторая — напротив равнодушная. Затем я увидела помощника конюха: высокий, широкоплечий, рыжеватый парень тащил мешок муки по просьбе кухарки так легко, будто внутри был пух.

Он заметил нас, остановился и стянул с головы кепку.

— Оуэн, — коротко представил его мистер Пенроуз.

— Мисси, — кивнул парень с добродушным выражением лица. Даже и не поймёшь, знал ли он уже о новой работнице или просто всегда такой добряк.

— Оуэн.

Его я точно запомню.

Чем ближе мы подходили к хозяйским покоям, тем тише становилось в коридоре второго этажа. Здесь даже служанки двигались осторожнее, а шаги по ковру будто сами собой становились мягче.

— Его светлость у себя, — негромко сказал мистер Пенроуз, когда мы остановились в конце длинного коридора. — Обычно в это время он либо спит, либо читает, либо

Он не договорил.

— Либо не в духе? — подсказала я.

— Либо предпочитает, чтобы его не беспокоили.

Это прозвучало так сухо, что я едва не улыбнулась.

— Понимаю. Если бы не разговор с леди Маргарет и госпожой Верен, я бы сейчас ничего не понимала. И даже удивилась бы — возможно, возмутилась, — что комнаты мне выделили слишком далеко. Но меня заботило другое: какой будет наша первая встреча с лордом Кассианом? И что я решу после знакомства — остаюсь я в этом доме или всё настолько плохо, что мне следует схватить чемодан и бежать обратно к Агнес Бруни, а затем мчаться и падать в ноги госпоже Иде Верен, чтобы та всё же нашла мне работу, хоть бесплатной сиделкой при умирающем пациенте больницы. Я стояла и рассматривала двери комнаты лорда Ровейна, задумчиво покусывая нижнюю губу. Страшно мне не было. Но я так успела себя накрутить, что казалось: за дверями из светлого дерева живёт какой-то монстр, а не обычный мужчина, которому нужна помощь.

Мистер Пенроуз, наблюдавший за мной, видимо, почувствовал мои сомнения и уточнил:

— Желаете войти сейчас?

Я посмотрела на дверь, потом на него.

— А что обычно делали сиделки, которых сюда приводили впервые?

Пенроуз едва заметно моргнул.

— Обычно просят ещё немного времени.

— А те, кто не просят?

— Уезжают быстрее.

Ну что ж. Очень обнадеживающе.

Я машинально поправила манжету на рукаве, вздохнула и кивнула:

— Значит, не будем тянуть.

Мистер Пенроуз посмотрел на меня так, будто хотел что-то сказать, но передумал. Только постучал в дверь костяшками пальцев. Один раз. Потом второй.

Ответа не было.

Он взялся за ручку, приоткрыл дверь и отступил в сторону, пропуская меня вперёд. Странный жест, разве нет? А как же предупредить хозяина о посетителе? Но я была настолько взвинчена, что не обратила внимания на эту деталь. Как оказалось — зря.

Я шагнула через порог.

В комнате был полумрак. Шторы задернуты, окно закрыто, воздух тяжёлый, спертый. Пахло вином, лекарствами и чем-то ещё — слишком затхлым, чтобы с ходу назвать. Где-то в глубине комнаты скрипнула половица.

Я успела сделать только два шага, когда мимо уха что-то со свистом пролетело и с грохотом разбилось о стену.

Вздрыгнула, сдерживая вскрик, и замерла, рассматривая осколки бутылки из тёмного стекла, рассыпавшиеся по ковру у моих ног.

Из полумрака комнаты прозвучал хриплый и крайне недовольный мужской голос:

— Вон отсюда!

Я медленно повернула голову в сторону кровати.

На широкой постели у дальней стены полулежал мужчина. Насколько я могла судить при плохом освещении, лорд был ещё довольно молод: тёмные волосы, резкие черты лица, тяжёлый взгляд — я почти физически чувствовала его. Красивый. Кажется. Хотя он был определённо зол. А ещё точно не в форме. Лорд Ровейн опирался на локоть и зло смотрел в мою сторону.

Несколько мгновений мы просто смотрели друг на друга. Он всё больше хмурился, я молчала и думала, что знакомство у нас выйдет, судя по всему, фееричным. Салютом из стекла меня ещё не встречали за всё время работы. Ну что ж, придётся приобретать новый опыт.

— Милорд, — произнесла я как можно спокойнее, — если вы хотели, чтобы вас не беспокоили, стоило быть более метким. Но увы, увы.

И с этими словами я спокойно пошла к окну. Этой комнате определённо не хватает света и свежего воздуха!

Глава 3

лорд Кассиана Ровейн до ранения.

Идя к окну, я была готова к тому, что в любой момент в меня может прилететь ещё что-то. Но, к счастью, лорд Ровейн вспомнил, что он лорд. А может быть, у него под рукой не было ещё одной бутылки. Мне было не до того, чтобы выяснять, в чём причина. Гардины на окнах были плотными, тяжёлыми и, кажется, довольно пыльными. Тёмная ткань не пропускала в комнату ни одного лучика света, и всё освещение, что было мне доступно, шло из приоткрытой в коридор двери.

Интересно, Пенроуз уже ушёл или стоит за дверью и подслушивает, как и полагается ответственному слуге, который всенепременно должен знать всё, что происходит на вверенной ему территории? Мысленно хмыкнув, я решительно отдернула штору, едва успев подавить в себе желание захлопать в ладоши. О! Какое чудо! Да у нас здесь скрывается не просто широкое окно, а целый выход на просторный балкон!

— Какого дьявола! — раздалось недовольное с кровати. — Вы с ума сошли? Немедленно закройте шторы!

— И не подумаю, — фыркнула я, даже не пытаюсь притвориться кроткой мисс: у меня были дела поважнее — я рассматривала шпингалет наверху распашной створки. До него мне было не дотянуться!

— Что значит Вы вообще кто такая, чёрт вас подери!?

— Я ваша новая сиделка, лорд Ровейн, — оставив надежды прямо сейчас приоткрыть створку, я повернулась к своему недовольному подопечному и, как благовоспитанная мисс, сложила ладони на подоле платья. — И я не закрою шторы, потому что работать в склепе не имею никакого желания.

— Вы моя кто?

Под лучами солнечного света я наконец смогла рассмотреть Кассиана Ровейна получше. Ну что я могу сказать. Вероятно, раньше он и был красавчиком. А сейчас я погорячилась со своей оценкой. Потому что мужчина находился в плачевном состоянии. И его ранение было совершенно ни при чём. Красные, слезящиеся от света глаза. Помятый вид — в том смысле, что пить нужно меньше. Неровная лохматая борода покрывает подбородок и торчит во все стороны. На носу виднеются капилляры. Рубашка на лорде была далеко не первой свежести: мятая, расстёгнута почти до живота, она открывала вид на хорошо развитые грудные мышцы. Ну, точнее — на мужскую грудь, конечно. Но я всё же невинная мисс и не должна обращать на это внимание. Да. Штанов на лорде не наблюдалось. Голые ноги торчали из-под небрежно накинутого на бёдра покрывала. На одной ноге виднелись бинты — такие же несвежие, как и рубашка. Ещё одна повязка была на кисти правой руки.

— Хм.

Это была вся реакция, которую я смогла себе позволить после осмотра лорда.

— «Хм»? И что значит ваше «хм»? — Кассиан Ровейн снова дёрнулся, приподнимаясь над подушками, и кинул в меня уничтожительный взгляд.

— Это значит, что работы мне предстоит много. Очень много.

— Не стоит переживать, — губы лорда изогнулись в усмешке. — Не так уж и много работы вас ждёт.

— Вы думаете? — я скептически осмотрела подопечного ещё раз. Ох, он даже не представляет, сколько на самом деле нас ждёт всякого интересного и увлекательного.

— Определённо, — самоуверенно заявил мой наивный подопечный. — Вы уволены.

— Это вряд ли. Не в ваших силах меня уволить, лорд Ровейн. Так что не рассчитывайте так легко избавиться от меня.

— Откуда вы вообще взялись? — падая спиной на подушки, зло прошипел мужчина.

— Меня наняла ваша матушка. Она передавала вам свой привет и обеспокоенность вашим состоянием. Знаете, ваша мама

— Определённо сошла с ума, — пробурчал лорд, но не так громко, как до этого ворчал на меня. — Мисс Как вас там?

— Ох, простите мою оплошность. Я магина Франческа ди Сава, профессиональная сиделка. В ближайшее время буду жить в поместье и заботиться о вас, лорд Ровейн.

— Сомневаюсь, — язвительно протянул лорд.

Я не стала спорить. Вместо этого обвела внимательным взглядом комнату. Хорошая спальня. Это определённо не хозяйские апартаменты в несколько комнат — нет. Но в этой спальне хватало места и для большого светлого шкафа напротив кровати, и для парочки длинных комодов. На столике у кровати — целая батарея небольших склянок, по большей части уже пустых. Шикарная люстра под потолком, софа притулилась между комодами — кажется, в комнате была вынужденная перестановка, — кресло недалеко от окна. А в углу, рядом со шкафом, стоит кресло на больших колёсах. Видно, что дорогое, добротное, даже можно сказать красивое. Но, судя по горе вещей на нём, совершенно не пользующееся популярностью у хозяйина. Ладно, с этим можно разобраться позже.

Кивнув своим мыслям, я уверенно направилась к двери, чтобы, выглянув в коридор, обнаружить там терпеливо ожидавшего — подслушивающего! — дворецкого.

— Мистер Пенроуз, будьте так любезны прислать кого-то из служанок убрать осколки с пола. И ещё необходимо, чтобы кто-то открыл шпингалеты на окнах и двери балкона — комнату нужно проветрить. Воздух слишком спертый. Вы понимаете, мистер Пенроуз?

— Конечно, магина.

Пенроуз коротко кивнул и с важностью, которую могут себе позволить лишь дворецкие, удалился в сторону лестницы. Вот и чудесно.

— Не смейте! — рявкнул Кассиан.

Я повернулась к нему.

— Простите?

— Я не давал вам права командовать в моём доме.

— А я пока и не командую, милорд. Просто пытаюсь сделать так, чтобы в этой комнате можно было находиться, не задыхаясь от нехватки воздуха.

Он шумно выдохнул, прикрыл глаза и с плохо скрываемой злостью потер переносицу. Понаблюдав за его движениями, я вдруг со всей ясностью поняла: ему больно. Прямо сейчас. В эту секунду мужчина на кровати борется с болью. От этого его реакции более агрессивные. Он раздражителен и недоволен вторжением на его территорию. Правда, жалко мне его не стало. То, что я понимала причины ужасного поведения лорда Кассиана, не значило, что я могла простить такое к себе отношение. Бутылку, летевшую в меня, я ещё не скоро забуду.

Мистер Пенроуз, к счастью, вернулся довольно быстро; за ним маячила та служанка, что приносила мне чай в гостиную. У неё в руках были веник и ведро, из которого торчала рукоять совка. Девушка с любопытством косилась на дверь спальни, но не торопилась войти.

— Осколки, — напомнила я, отступая в сторону.

— Никто сюда не войдёт! — снова зло бросил Кассиан.

Служанка вздрогнула.

Пенроуз оставался таким же сдержанным, как и прежде. Вот что значит профессионал своего дела. Он лишь позволил себе замечание:

— Это ненадолго, милорд.

Правда, в спальню он также не торопился заходить, предпочитая общаться с хозяином дома через дверь.

— Вон! — лорд Ровейн сорвался на злобный крик.

Я посмотрела на мистера Пенроуза. Он — на меня. Служанка переминалась рядом, не зная, куда себя деть. Так-так. Если после каждого рыка лорда все слуги будут в ужасе разбегаться, то мне никогда не привести спальню, где живёт человек, нуждающийся в уходе, в порядок!

3.2

— Убирайте, — сказала я Мэри.

Та замялась.

— Магина

— Убирайте, — повторила я мягче. — Быстро и аккуратно.

К моему удивлению, именно это сработало. Мэри присела, шмыгнула к стене и принялась собирать осколки так быстро, будто боялась. Кассиан следил за этим с выражением крайнего оскорбления на лице.

— Вы, кажется, плохо слышите, магина ди Сава. Я приказал никому не входить сюда.

— Нет, милорд, слышу прекрасно. Просто не считаю разумным подчиняться дурным решениям.

— Моим решениям.

— На данный момент — да.

Ох, судя по его глазам, любви лорда Кассиана мне не сыскать. Хотя о чём это я. Мне и не нужна его любовь!

Пока Мэри собирала последние стёклышки, я подошла к прикроватному столику и осторожно принялась перебирать склянки.

— Не трогайте, — лорд окатил меня очередным недовольным взглядом.

— Я должна знать, что вы пьёте, — ответила я в задумчивости, крутя в руках пустую склянку из тёмного стекла.

— В основном коньяк, — нагло ослабилась лорд. — Иногда виски. Не гнушаюсь грогом, если под рукой ничего другого нет.

— В этом я как раз не сомневаюсь.

На самом деле меня меньше интересовали слова лорда Кассиана — больше волновали склянки на столе. На всех были бирки с надписью «Опривейт» — это очень сильное обезболивающее. Очень. Его, как правило, выписывают смертельно больным пациентам в больницах, стремясь облегчить боли и дать возможность уйти тихо в другой мир. А здесь — такое количество флакончиков. Если лорд Кассиан без конца пьёт именно опривейт, то неудивительно, что другие обезболивающие ему не помогают. К этому лекарству организм очень быстро привыкает и перестаёт на него реагировать. Поэтому его и применяют только в самых экстренных и безнадежных случаях. Интересно, кто тот идиот, что позволил лорду пить такое обезболивающее?!

Мэри, закончив, выпорхнула за дверь. Следом ушёл Пенроуз. Я осталась одна наедине с лордом Ровейном, его болью, его раздражением и своими мыслями.

— Итак, — сказала я, сцепив руки перед собой, — давайте начнём заново. Я Франческа ди Сава. Меня наняла леди Маргарет. Уезжать я не собираюсь. Выгонять меня, как вы должны уже были понять, тоже бесполезно. Так что давайте попробуем сработаться.

— Вы слишком много говорите, — закрыв глаза, буркнул Кассиан.

— А вы слишком плохо встречаете гостей.

— Вы мне не гостя.

— И слава богам! Не удивлюсь, если гостей вы также встречаете бутылкой. А то и не одной.

На этот раз уголок его рта дёрнулся. Ну надо же, а ещё не всё потеряно! По крайней мере, лорд смог оценить игру слов и моё чувство юмора.

Конечно, это была не улыбка. Даже не намёк на улыбку. Так лицевой нерв дёрнулся — но я это заметила.

Кассиан, кажется, тоже. Потому что тут же снова стал мрачнее тучи.

— Моя мать вам не сказала, что я не нуждаюсь в сиделке?

— Сказала, что вы так считаете.

— И?

— И я решила, что на этот счёт лучше составлю собственное мнение.

— Уже составили?

Я ещё раз окинула его внимательным взглядом с головы до ног, отмечая и руку, сжимающую край покрывала. И неудобную позу для спины. И напряжённые плечи. И даже то, что одна нога свисает с края кровати, потому что ей просто не хватает места, чтобы удобно устроиться.

— Да, — честно ответила я и тут же поделилась выводами. — Вы в плохом состоянии.

Кассиан зло усмехнулся.

— Какая удивительная проницательность.

— А ещё вы раздражительны, грубы, упрямы и, судя по запаху в комнате, у вас где-то припрятана ещё не одна бутылка с алкоголем.

— Закончила? — зло выплюнул лорд.

— Думаю, для первого знакомства и этого достаточно.

Кассиан устало отвернулся от окна — ну и от меня заодно.

— Выйдите.

Я смотрела на него несколько секунд.

Красивый. Уставший. Сломанный. И изо всех сил цепляющийся за свою злость, потому что это, видимо, пока единственное, что он ещё может контролировать.

— Хорошо, — сказала я. — Но я вернусь через час.

Он даже снова повернулся, чтобы удивлённо на меня посмотреть.

— Зачем?

— Затем, что вам стоит нормально пообедать. И я хочу понять, что именно вы принимаете из лекарств.

— Я не обязан перед вами отчитываться.

— Не обязаны. Но это бы сэкономило нам обоим время.

— Уходите.

— Уже иду.

Я дошла до двери, но на пороге всё же обернулась.

— И, милорд?

— Что ещё?

— Если вы собираетесь ещё чем-то в меня кидаться, предупреждайте заранее. Я хотя бы приму позу покрасивее, когда буду уворачиваться.

На этот раз он всё-таки посмотрел на меня по-настоящему. Раздражённый. Усталый. Но не потерявший внимательности.

— Вон.

— Да-да, уже.

И я вышла в коридор, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Постояв несколько секунд в тишине, я вздохнула и тихонько пробормотала самой себе:

— Ну что ж, Франческа. Кажется, скучно тут действительно не будет. И просто — тоже.

Из-за угла почти сразу появился мистер Пенроуз.

— Вы в порядке, магина ди Сава?

— Да, Пенроуз.

— Это хороший знак, — дворецкий чуть склонил голову, будто высказывая уважение.

Я посмотрела на закрытую дверь за своей спиной, потом на дворецкого и спросила уже серьезнее:

— Он всегда такой?

Пенроуз выдержал короткую паузу.

— Сегодня ещё не худший день.

Вот тут мне очень захотелось сесть прямо на пол. Ох! Кажется, будет не просто «непросто», кажется, меня ждёт настоящая битва с лордом — за его здоровье. Но вместо того чтобы предаваться унынию, я быстро прикинула, с чего стоит начать, и, уверенно подойдя к дворецкому, начала свою работу:

— Хорошо. Тогда, мистер Пенроуз, если можно, расскажите мне всё, что вы знаете о режиме лорда Ровейна, его диете — если она есть, — а главное, о тех лекарствах, что он принимает. Также мне нужно знать, что случилось с рукой и ногой лорда. Кто может мне помогать, не боясь грубых слов и нелепых приказов. И ещё мне необходимо, чтобы мои вещи перенесли в одну из ближайших комнат к спальне лорда, потому что вряд ли я из соседнего крыла услышу, что ему нужна помощь. И, в конце концов, позаботьтесь, чтобы через час комната уже проветривалась. Там дышать нечем!

Дворецкий посмотрел на меня более задумчиво, позволив маске равнодушия на секунду исчезнуть.

— Вы намерены остаться?

— Я намерена хотя бы попытаться помочь лорду Ровейну.

Пенроуз едва заметно склонил голову.

— В таком случае, магина ди Сава, думаю, нам стоит поговорить.

И, если быть честной, это было первым по-настоящему обнадеживающим событием за весь день.

Глава 4

Спустившись в малую гостиную, я уже не чувствовала того азарта, что был по приезде в дом. Всё же бессонная ночь давала о себе знать. Хотя знакомство с его светлостью вышло бодрящим. Очень бодрящим. Таким, после которого хочется то ли выпить чего покрепче, то ли прилечь в тёмной комнате и полежать, глядя в потолок. Я бы с удовольствием сейчас прилегла, но на сегодня у меня ещё были дела.

Пенроуз явился ровно через пять минут после того, как я опустилась в кресло. Словно стоял за дверью и ждал. Возможно, так оно и было.

— Ну что, мистер Пенроуз, начнём? Я думаю, что если вы присядете, — указала на соседнее кресло, — нам будет удобнее вести разговор.

Дворецкий едва заметно качнул головой, давая понять, что стоять ему привычнее, но после короткой паузы всё же опустился на самый краешек, сохраняя безупречную осанку. Мол, я здесь, но ненадолго и исключительно из уважения к вашему статусу магины.

— Расскажите мне всё, — попросила я. — Только лучше, если ваш рассказ будет соответствовать действительности. Обидно будет, если я упущу какие-то мелочи из-за нелепого желания сохранить в секрете отвратительное отношение к себе со стороны лорда Кассиана. Поверьте, я уже успела сделать выводы. Но должна в полной мере понимать, с чем имею дело.

Пенроуз молча смотрел на меня несколько секунд. В его бесстрастном взгляде промелькнуло что-то похожее на сомнение, будто он решал, стоит ли выкладывать всё незнакомой девице, которая, возможно, к утру уже будет паковать чемоданы. Но, видимо, что-то в моём поведении всё же склонило чашу весов в мою сторону.

— Лорд Ровейн ест плохо, магина, — начал он сухо. — Чаще всего отказывается от еды вовсе. Предпочитает напитки покрепче. Коньяк, виски, иногда бренди. Кухарка пытается готовить то, что он любил раньше, но его светлость редко притрагивается к блюдам. За последний месяц он похудел — это заметно даже под одеждой.

Я молча кивнула, запоминая каждое слово. Плохо. Очень плохо. Истощённый организм борется с болью в разы хуже, чем тот, что получает достаточно питания. Замкнутый круг: больно — не ест — слабеет — боль усиливается.

— Что с его рукой и ногой? — спросила я, вспомнив несвежие повязки. — Травма?

Пенроуз поджал губы. Впервые за весь разговор на его лице проступило что-то, отдалённо напоминающее эмоции. Досаду? Стыд? Пожалуй, и то, и другое.

— Это ожоги, магина.

Я нахмурилась.

— Ожоги? Откуда?

— Несчастный случай, — сухо ответил дворецкий, но, заметив мой скептический взгляд, тяжело вздохнул и признался:

— Его светлость был в дурном расположении духа. Камердинер, мистер Грейвз, предложил ему переодеться. Видимо, выбрал неподходящий момент. Лорд Ровейн швырнул в него чайник с кипятком. Грейвз успел увернуться, но вода попала на ногу и ладонь самого лорда.

Я медленно выдохнула, переваривая услышанное.

— Когда это случилось?

— Около двух недель назад. Лекарь осмотрел, прописал мазь и велел менять повязки. Но — Пенроуз замылся, подбирая слова, — желающих делать это среди слуг немного. Его светлость пытается справляться сам. Получается не очень хорошо.

Ещё бы. С его-то болями в спине наклоняться и аккуратно обрабатывать ожог на собственной ноге — то ещё удовольствие. А учитывая, что правая рука тоже пострадала Я пред-

ставила, как он, стиснув зубы, неуклюже возится с бинтами, и внутри всё сжалось. Мне было одновременно и жаль лорда Кассиана, и я была возмущена его упрямством. Нет, я, конечно, понимаю: гордость, мужское эго и ущемленное чувство собственного достоинства погубили не одного прекрасного представителя мужчин, но что я никак не могла понять, так это сложность попросить о помощи. Упрямый глупец! Но сейчас с этим я ничего сделать не могла, поэтому отложила эмоции на потом.

— Почему не сказали сразу, до того как я пошла знакомиться? Я бы могла взять с собой нужные лекарства, и уже сейчас лорд Ровейн меньше бы страдал, — я старалась, чтобы голос звучал ровно, но, кажется, некоторые возмущённые нотки всё же просочились.

— Мы не думали, что вы вообще сможете задержаться в спальне лорда дольше пяти минут, — Пенроуз пожал плечами и, не думая извиняться или как-то пояснить своё поведение.

Я хмыкнула. Продержусь. Конечно, продержусь. Куда я денусь? Но память у меня всегда была отменная.

— Слуги, — продолжила я. — Как они относятся к лорду?

Пенроуз ответил не сразу.

— Боятся, магина. Вернее будет сказать — побаиваются. Его светлость бывает резок. Криклив, груб в выражениях. Раньше он был другим. После ранения всё стало хуже. Многие стараются лишний раз не попадаться ему на глаза. Выполняют свои обязанности и уходят. Оуэн, помощник конюха, — один из немногих, кто не вздрагивает от каждого окрика. Но он вообще простоватый парень, хотя и очень добродушный. Иногда лорд позволял ему помогать с некоторыми своими нуждами.

— А теперь не позволяет?

— Теперь его светлость предпочитает, чтобы его вообще не трогали.

Я поднялась с кресла. Пенроуз тут же встал следом, вытягиваясь по струнке.

— Хорошо, мистер Пенроуз. Я вас услышала. Благодарю за откровенность. А теперь будьте добры, распорядитесь, чтобы через полчаса в спальню лорда принесли таз с остуженной кипячёной водой, чистые полотенца и мою коробку с медицинскими принадлежностями — она в комнате. И пусть миссис Грэм приготовит лёгкий бульон, гренки, пару сладких булочек и чай. Или кофе. Что лорд Ровейн предпочитает?

— Кофе, — ответил дворецкий, едва заметно моргнув от такого напора. — Чёрный, с одной ложкой сахара.

— Отлично. Значит, кофе. Ещё попросите кого-нибудь из служанок помочь мне донести всё это до спальни лорда. Сама я не справлюсь.

Пенроуз коротко кивнул и вышел, а я осталась стоять посреди гостиной, глядя в окно на запущенный сад. Ожоги. Он швырнул чайник в камердинера и пострадал сам. Вспыльчивый, агрессивный, не контролирующийся себя — и при этом глубоко несчастный человек, который даже повязку на собственной ноге сменить не в силах.

— Ну что ж, лорд Ровейн, — пробормотала я себе под нос, направляясь к выходу. — Кажется, у нас с вами намечается весьма насыщенный вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.